

ЯКОВ АЛЕКСЕЙЧИК

ПОДКИДНОЙ С ЧЕРТЯМИ

Минувшей зимой в одной из белорусских газет был опубликован материал об уничтожении гитлеровцами еврейского гетто в Орше на исходе 1941 года. Надо сказать, что сама тема нацистского геноцида в отношении евреев в белорусской прессе является постоянной, притом на всех её флангах, ведь трагедия этого народа затронула буквально все белорусские города и местечки и унесла примерно 800 тысяч жизней. Упомянутая же публикация обратила на себя внимание финальными словами: “Вторая мировая война со всей ясностью и первобытной звериной жестокостью показала всем, к чему может привести большевистская или фашистская идеология...”.

Можно не сомневаться, что больше всего увязке гибели гетто с большевизмом удивились бы сами евреи, казнённые в Орше и не только в Орше, поскольку миллионное еврейское население в довоенной Беларуси репрессиям со стороны большевиков никак не подвергалось. Оно активно участвовало не только в политической жизни республики, но и в руководстве этой жизнью. На XV съезде ВКП(б) Серго Орджоникидзе докладывал, что доля евреев в управленческом аппарате республики составляла 38,6 процента, о чём напомнил А. Солженицын в своей книге “Двести лет вместе”. Тот же А. Солженицын пишет, что евреи активно и самоотверженно дрались за социалистическое государство на всех фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах и “среди всех национальностей Советского Союза они заняли пятое место по числу награждённых после русских, украинцев, белорусов и татар”. С награждением воинов-евреев за мужество в борьбе с гитлеризмом связан и уникальный случай в той войне, когда родные братья Евсей Григорьевич и Матвей Григорьевич Вайнруб, уроженцы белорусского города Борисов, в один и тот же день – 6 апреля 1945 года – были удостоены звания Героя Советского Союза. Евсей командовал танковой бригадой, Матвей – подвижной танковой группой при прорыве гитлеровской обороны на Висле.

АЛЕКСЕЙЧИК Яков Яковлевич родился в 1948 году в деревне Переспа Дрогичинского района в Брестской области. В 1972 году окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета, в 1979 — Минскую высшую партийную школу. Работать в печати начал в 1966 году в Ивановской районной газете “Чырвоная звязда” на Брестчине. Был на партийной работе в Ивановском райкоме, Брестском обкоме партии и ЦК КПБ. С 1988-го по 2002 год — генеральный директор Белорусского телеграфного агентства (БЕЛТА), в 2006–2009-м — главный редактор издательства “Беларусь”. Живет в Минске.

Тогда почему столь страшное обвинение брошено в сторону большевиков, среди которых евреи — и это тоже ни для кого не является секретом — занимали весьма видное место? Ответ довольно прост: в данном случае трагедия гетто использована в качестве “лыка в строку” в том политическом процессе, в ходе которого довольно многие, особенно в западной Европе, но уже не только там, с настойчивостью, достойной лучшего применения, стараются поставить на одну доску СССР и гитлеровскую Германию. Оставляется в стороне даже то, что, не будь победы Советского Союза, могло не быть и стран, политики которых теперь так напрягаются в обозначенном направлении. Дошло до утверждений, что “гитлеровский меч” выкован под непосредственным присмотром Сталина. Между тем, реальные исторические факты, относящиеся к тому “выковыванию”, не просто упрямы, но и весьма интересны. Начнём с одного из наиболее любопытных.

Когда 7 сентября 1941 года гитлеровские войска подошли к Ленинграду настолько близко, что стали досягаемы для корабельной артиллерии Балтийского флота, приступили к делу пушкари защищавших город боевых судов, в числе которых состоял и тяжёлый крейсер “Петропавловск”. Он был ещё не закончен строительством, не имел собственного хода, однако две его башни с четырьмя орудиями калибром 203 миллиметра и полным боезапасом были готовы к бою. Открыв огонь 7 сентября, крейсер не прекращал стрельбу в течение одиннадцати суток. Но 17 сентября немцы приблизились на расстояние, равное всего трем километрам, и их тяжёлые гаубицы начали расстреливать “Петропавловск” почти прямой наводкой. Получив 53 пробоины и “заглотив” сотни тонн воды, корабль сел на грунт.

Через год, когда ситуация на Ленинградском фронте улучшилась, крейсер был поднят, отбуксирован к стенке судостроительного завода, отремонтирован и в декабре 1942 снова приступил к боевой работе в качестве плавучей батареи. Документально зафиксировано, что только во время прорыва блокады Ленинграда в январе 1944 года его пушки выпустили 1036 снарядов. Но весьма существенно в истории этого корабля то, что все годы ленинградской обороны “Петропавловск” стрелял... по своим. Его пушки, его снаряды были немецкими, он сам был немецким, став “Петропавловском” меньше чем за год до начала войны. А до этого носил наименование “Лютцов” и относился к классу наиболее современных тяжёлых крейсеров того времени. Его водоизмещение составляло почти 14 тысяч тонн, длина — 200 метров, мощность силовой установки — 132000 лошадиных сил, возможность автономного плавания — почти 12000 километров. Проект предусматривал, что на вооружении крейсера будет не только мощная артиллерия, но и три самолёта.

Корабль был заложен 2 августа 1937 года на германской верфи “Дешимаг ФГ Вессер” и 1 июля 1939-го спущен на воду. Таких судов для рейхсмарине предполагалось построить пять. Но в строй вступили три. “Лютцов”, готовый на семьдесят процентов, в 1940 году был продан Советскому Союзу за 106,5 миллиона золотых марок, и 31 мая германские буксиры подвели его к стенке ленинградского завода № 189. Следом немцы отправляли оборудование, необходимое для достройки и довооружения крейсера, а также положенный ему боезапас. Ловчили, затягивали поставки, но всё-таки отправляли.

Германский адмирал Тирпиц ещё сто лет назад сказал, что в мире нет больше примеров, подобных тому, с какой яростью русские и немцы на протяжении веков уничтожали друг друга во благо англо-саксов. С англо-саксами у немцев были свои счёты, не на пустом же месте родилась у них поговорка, звучавшая, как заклинание: “Боже, покарай Англию!”. Однако в данном случае речь пойдёт о другом — о том, что в XX веке русские и немцы не только воевали между собой, но и активно помогали друг другу готовиться к войнам. Правда, и в этом плане англо-саксов оставить в покое не получится, поскольку и к войнам, и к тому сотрудничеству немцев с русскими упорно подталкивали как раз англы и саксы вкуче с франками, италянами, ляхами.

Для немцев после Первой мировой войны толчком к взаимодействию с русскими стал Версальский мир, которым закончилась война. Он был написан под диктовку всё тех же англичан и французов, и по его условиям Германия лишалась восьмой части своих территорий. На левом берегу Рейна устанавливалась демилитаризованная зона, в Кельне, Кобленце и Майнце — зоны оккупационные; угольные шахты в Саарском бассейне передавались в “полную и неограниченную собственность” Франции. Кроме того, Данциг превра-

щался в “вольный город” и включался в таможенные границы Польши, судьбу Верхней Силезии и некоторых регионов Восточной Пруссии должны были решить плебисциты. У Германии изымались колонии. А главное, её выставляли из клуба великих держав, и чтобы она не могла ничего исправить в будущем, её вооруженные силы – рейхсвер – урезались до ста тысяч человек. Ей запрещалось иметь генштаб, военные учебные заведения, воинскую повинность, а также танки, подводные лодки, военную авиацию, тяжёлую артиллерию, то есть те виды вооружений, которые определяли военную силу государств в то время.

Каждый немец, познакомившись с этими условиями, уразумел, что он никогда с таким миром не согласится и в покое соседей не оставит. Понимали это и победители. В той же Франции устами маршала Фердинанда Фоша было сказано, что Версальский мир – вовсе даже не мир, а перемирие в войне, сделанное на двадцать лет. Надо полагать, Фош считал, что именно столько времени потребуется немцам, чтобы они могли вновь собраться с силами и начать отвоевывать отторгнутое. Уинстон Черчилль тоже полагал, что Первая мировая стала лишь началом тридцатилетнего периода европейских войн. В современной Европе многие историки подчёркивают: немцы начали бы Вторую мировую войну вне зависимости от того, пришёл бы Гитлер к власти в Германии или нет. Они были настроены именно на реванш, и выродок Гитлер – австриец по происхождению – просто “оказался в нужном месте и в нужное время”, что, конечно же, никак не оправдывает того, что он натворил.

Замыслив реванш, немцы вскоре пришли к выводу, что в восстановлении государственных сил – особенно военных – надо опереться на русских, которые после революции и гражданской войны тоже оказались в статусе мировых изгоев. Утверждают, что первым такую мысль высказал командующий рейхсвером генерал Х. фон Зект.

Фактически немцы и русские во многом оказались в схожей ситуации и сочли, что логично будет запастись порохом. Первые, намереваясь вернуть утраченное, вторые – желая сохранить наличное. Постепенно в Берлине и в Москве пришли к выводу, что этим делом надо бы заниматься сообща. В июне 1922 года Германия установила дипломатические отношения с Советской Россией. Это произошло в итальянском городке Рапалло. С немецкой стороны соглашение подписал министр иностранных дел Вальтер Ратенау, на самом деле питавший, как утверждают близко знавшие его люди, “отвращение к русским методам управления и террора”. Вряд ли будет ошибкой предположить, что подобные ощущения в Германии испытывали многие, в том числе и в руководстве страны. Но над личными чувствами возобладал государственный интерес, и заявлено было об этом как раз в дни международной конференции в Рапалло, на которой победители в Первой мировой войне собирались прописать дальнейшие правила поведения как для немцев, так и для русских.

Поворот во взаимоотношениях двух ещё недавно воевавших друг против друга государств произвёл шоковое впечатление. Главы делегаций девяти стран Антанты и её союзники направили резкую резолюцию канцлеру Германии Вирту, в которой заявили, что его страна подписала акт, уничтожающий “дух взаимного доверия”. Однако в подобных словах было немало лицемерия, поскольку подобный исход всё-таки не мог быть абсолютно неожиданным для европейских политиков, тем более для британского премьера Д. Ллойд-Джорджа – одного из главных *подписантов* той резолюции. Всего за какой-то год до этого о возможности именно такой *перспективы* предреждал не кто иной, как Ллойд-Джордж, не раз говоривший, что открытая бесцеремонность по отношению к России при решении вопросов о её границах, например, границах с Польшей, может подтолкнуть *красных комиссаров* “в объятия Германии”.

Не будет в этой связи лишним напомнить и о том, что даже если бы Германия не пошла на подписание соглашения в Рапалло, всё равно Советская Россия вряд ли осталась бы наедине с собой и своими проблемами, включая оборонные. В той же Европе многих прельщали перспективы заработать на этих проблемах и на российских сырьевых ресурсах. И если уж на то пошло, то “Лютцов” был не единственным кораблём, который во время Великой Отечественной войны “стрелял по своим” с советской стороны. Для нынешних историков уже не является секретом, что ещё до совместных военно-промышленных проектов с Германией два десятка военно-морских судов, в числе

которых были эсминцы, миноносцы, подводные лодки, торпедные катера, сторожевики, Советам построила Италия. Закамуфлировав их под итальянские, снабдив своими командами, она перегнала их в советские черноморские порты. Эти-то корабли и стали основой возрождающегося Черноморского флота, ибо собственно русские военные и торговые суда – более 340 единиц – были уведены Врангелем в Средиземное море во время исхода белых войск из Крыма. После того исхода только на французской военно-морской базе в тунисской Бизерте было сосредоточено 52 русских военных корабля, в числе которых было три линкора, три крейсера, 12 эсминцев, шесть подводных лодок. По иронии судьбы, ими командовал Михаил Беренс – родной брат начальника Морского штаба, а затем главнокомандующего всеми военно-морскими силами Советской России Евгения Беренса. Общая стоимость судов, уведённых тогда с Чёрного моря, по подсчётам Наркомфина СССР, в 1925 году составляла 8 миллиардов 300 миллионов золотых рублей. Со временем они пошли на слом. А “итальянские” в 1941–1943 годах стреляли не только по немецким, румынским, но и по итальянским же войскам, наступавшим на Одессу и другие причерноморские города.

Сам по себе этот нюанс весьма важен вот каким обстоятельством. В нынешней Италии никому в голову не приходит обвинять свою страну, промышленность, бизнесменов в том, что они “помогали Сталину наращивать военную мощь”, жертвами которой в 1941–1943 стали сотни тысяч итальянских солдат и офицеров, оказавшихся под Сталинградом, Воронежем и других местах, убитых, раненных, попавших в плен. По крайней мере, читать об этом не приходилось. Между тем, в российской и белорусской печати – и не только – довольно часто можно встретить утверждения, в которых советско-германские военные контакты между двумя мировыми войнами трактуются исключительно как несмыслимый позор. Однако факты говорят, что к сотрудничеству бывших и будущих врагов привела отнюдь не “внезапно вспыхнувшая любовь”, а конкретные политические и экономические интересы. Для Германии они заключались в том, что при ментальном настрое на реванш ей нужно было во что бы то ни стало сохранить военные кадры, военную мысль, военные разработки и при удобном для себя стечении обстоятельств сразу же всё поставить на службу новым задачам. Притом делать это надо было в глубокой тайне, а сохранить такую тайну легче всего было как раз в Советской России. России, в свою очередь, тоже нужно было спасти армию, которая после сокращения и перевода на милиционные основы, последовавшего за гражданской войной, находилась в полуразобранном состоянии. И помочь могли немцы. При этом большевики были уверены, что жаждавшие реванша и освобождения от прессы Антанты немецкие политики и генералы деньги в любом случае найдут, как откровенно писал тогдашний нарком внешней торговли РСФСР Леонид Красин, “хотя бы, например, утаив известную сумму при уплате многомиллиардной контрибуции той же Франции”. А Красин немцев знал неплохо, не зря же он перед революцией несколько лет проработал в Германии на фирме “Сименс и Шуккерт”, где, как утверждают энциклопедии, проявил незаурядные инженерные и организаторские способности. А поскольку военно-промышленный комплекс в любой стране и во все времена являлся и является основным звеном всего промышленного хозяйства, то его реанимация и развитие сулили улучшение дел экономике Советской России в целом. В таком случае, и она нашла бы средства на размещение соответствующих заказов в Германии, что опять же способствовало бы развитию немецкой промышленности. Немцы учли и это, отчётливо осознавая, что даже разорённая войной и революцией Россия обладает огромными ресурсами, особенно сырьевыми, в которых остро нуждались германские предприятия.

Впоследствии так всё и получилось. Каждая из сторон довольно успешно решала собственные задачи. В начале тридцатых годов Германия возглавила список импортёров из СССР и экспортёров в Советский Союз: “на её долю пришлось 50 процентов сумм экспорта и импорта”, – отмечал в своих мемуарах, вспоминая о том времени, немецкий посол Герберт фон Дирксен. При этом он, не скрывая гордости, добавлял: “Это стало для меня источником радости – посещать многочисленные промышленные предприятия Рура и повсюду видеть огромные ящики и упаковочные кети, предназначенные для отправки в Москву, Ленинград и другие города России. Эти заказы позволяли загрузить мощности значительной части предприятий Рура”.

При этом нельзя не упомянуть, что в самой Германии, в её высших политических и хозяйственных кругах время от времени возникали споры: правильно ли делают немцы, помогая России создать собственную промышленность. Ведь она могла стать опасным соперником. Герберт фон Дирксен на это отвечал: “Россия в любом случае станет индустриальной страной”. На него производили огромное впечатление “безграничная энергия и целеустремленность советских руководителей”. В случае отказа Германии от сотрудничества, добавлял он, “промышленники из стран-конкурентов ухватятся за такую возможность...”. Так потом и произошло. Когда после прихода к власти нацистов во главе с Гитлером СССР свернул многие совместные проекты, а товарооборот с Германией уменьшился с 1 065,8 миллиона марок в 1931 году до 182 миллионов марок в 1937-м, на смену немцам пришли американцы, торговля с которыми даже превысила “советско-немецкие” суммы.

В современной прессе, к сожалению, многие события, связанные с межвоенным советско-германским взаимодействием, сопровождаются откровенными выдумками. Некоторые уже договорились до того, что так называемый совместный парад советских и немецких войск в сентябре 1939 года состоялся не только в Бресте, а и в Пинске, хотя в Пинске, отстоящем от Бреста почти на двести километров, немцами в то время даже не пахло. Довелось как-то прочитать, будто были такие парады в Гродно и Львове, что также не соответствует действительности.

Довольно часто можно встретить утверждения, что именно в Советском Союзе подготовлены чуть ли не все авиационные и танковые асы вермахта, что даже Гейнц Гудериан — один из самых знаменитых гитлеровских полководцев, теоретик новых методов ведения военных действий с участием танков — научился этому в советской танковой школе под Казанью. Говоря другими словами, выходит, что бить русских Гудериан учился в России, но перед нападением на СССР он и его танкисты, чтобы, как говорится, проверить свои навыки на практике, изрядно потрепали англичан, французов, поляков, югославы, греков.

На том, кто у кого учился воевать, тоже стоит остановиться подробнее, тем более что реальные факты и здесь куда интереснее выдумок. Танковая школа, в которой обучались военнослужащие рейхвера на переломе двадцатых и тридцатых годов, под Казанью действительно существовала. Притом существовала на немецкие деньги! Но Гудериан в ней не учился. Летом 1932 года он, бывший к тому времени уже подполковником, посещал её вместе с генералом О. Лутцем во время инспекционной поездки. Тогда он присутствовал на тактических занятиях с использованием трёх танковых взводов РККА, а всего в тех занятиях, как пишет российский дипломат Сергей Горлов, специализирующийся на истории советско-германских отношений в период между двумя мировыми войнами, участвовало до ста человек. Некоторые источники указывают также, что во время той поездки Гудериан прочитал лекцию для курсантов.

Танковая школа “Казань”, в которой обучались немецкие военные, действовала с 1929 по 1933 год, и закончили её всего тридцать представителей рейхсвера, так как одновременно в ней по условиям договоренностей не могло обучаться более двенадцати человек. В 1930 году было выпущено 10 немецких офицеров, в 1932 — 11, в 1933 — 9. В 1931 году выпуска не было. Некоторые из тех выпускников впоследствии действительно стали генералами и во время Второй мировой войны воевали против СССР. Но важно то, что в школе “прошли обучение и 65 советских офицеров”. И это были строевые командиры танковых и мотомеханизированных частей РККА, преподаватели бронетанковых вузов и инженеры (танкисты, артиллеристы, радисты)... Москва, учитывая важность непосредственного соприкосновения с иностранным опытом, старалась пропустить через школу максимальное количество курсантов.

Танковая школа не была единственным совместным учебным центром на территории СССР, работавшим на две стороны. Первой стала авиационная школа в Липецке, созданная тоже на немецкие средства. В ней с 1925 по 1933 год прошло подготовку 120 немецких лётчиков и около сотни лётчиков-наблюдателей, как тогда называли штурманов. С 1929 года в той школе “упор был сделан на испытание в Липецке новой техники”. При этом обучались и советские лётчики, и наземный техперсонал советских ВВС. Сергей Горлов говорит, что “итоговую картину относительно подготовки лётного и техниче-

го состава для советских ВВС в Липецке составить сложно, хотя можно однозначно сказать, что научились у немцев в авиационном деле многому. Достаточно упомянуть, что советские лётчики обучались на основе наставлений и инструкций, разработанных в Липецке”. Речь идёт об учёбе во всех авиационных училищах СССР. Более того, советская сторона организовала в Липецке “рабочие группы из своих лётчиков и инженеров-самолетостроителей, которые теперь уже на постоянной основе подробно знакомились с работами германских специалистов. Появились там и ведущие специалисты ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт). Они участвовали во всех технических испытаниях немцев...”.

О многом говорит и ещё одна красноречивая цитата: “Советская сторона тоже устраивала показ своей авиационной техники и вооружений (например, авиационный пулемет Дегтярева в июле 1930 г<ода>), но лишь в сентябре 1931 года в Тушине под Москвой была устроена широкая демонстрация советской авиатехники. Правда, по мнению немецких участников (Ф. Фельми, Х. Шпайдель, К. Друм, В. Виммер), это были в основном устаревшие модели. И хотя советские авиаконструкторы занимались разработкой новых типов самолётов (например, АНТ-14, АНТ-20, ТБ-1, ТБ-3, ТБ-4), немцам их старались не демонстрировать. Причиной было очевидное нежелание демонстрировать то, что прогресс в советском авиационном достижении достигался во многом за счёт элементарного освоения и тиражирования достигшей иностранной, в том числе немецкой, технической мысли, хотя в этом, конечно, нет ничего предосудительного”.

В принципе, трудно назвать направление, по которому никакого сотрудничества не было, потому что реестр двусторонних проектов, осуществляемых в СССР, включал и производство зенитных орудий, взрывателей, миномётов, пулемётов, снарядов для полевой артиллерии, и предоставление лицензий для серийного производства военной продукции в СССР, и направление на советские предприятия немецких инженеров. Сам за себя говорит перечень германских фирм, которые в этом участвовали: “Крупп”, “Райнметалл”, “Сименс и Хальке”, “ИГ-Фарбен-Гезельшафт”, “К. Цайс”, “Вальтер”, “Даймлер-Бенц”, “Маузер”, “Юнкерс”, “Хайнкель” (именно так их называют историки, хорошо знающие немецкий язык).

Осуществлялось взаимодействие и между военно-морскими флотами, проводился обмен разведывательными данными, были взаимные поездки командиров на полевые, тактические занятия и военные маневры. На основе немецкого опыта в СССР издавались специальные наставления, касающиеся работы штабов, тактического применения военной техники, летней учёбы войск, военных игр, пулемётной и артиллерийской подготовки, устройства тыла. В июне 1931 года в своем отчёте Реввоенсовету начальник Штаба РККА А. И. Егоров прямо констатировал, что план работы Военной Академии на предстоящий учебный год “построен на учёте опыта и позаимствован у Германской военной академии”.

В том же году немецкий военный атташе Германии в СССР докладывал генералу Зекту, что последствия сотрудничества “повсеместно видны в Красной Армии”. В 1935 году его характеристика проведённых в СССР военных маневров была ещё более впечатляющей: “Мы можем быть довольны столь высокой оценкой маневров. Их командиры и руководители – это наши ученики”. А генерал Шпейдель ещё до этого констатировал, что красные командиры в своём прилежании зачастую превосходили немецких коллег во время учёбы на совместных занятиях.

Весьма ценным для советской экономики, в том числе для военной, имело и обучение советских инженеров на германских предприятиях. Многие из них вскоре становились крупными руководителями у себя на родине. Например, И. Ф. Тевосян был назначен заместителем наркома оборонной промышленности, затем – наркомом судостроения, потом руководил наркоматами чёрной металлургии, металлургической промышленности. Нынешние аналитики о важности для СССР военно-технического сотрудничества с Германией говорят так:

во-первых, во многом благодаря именно германской помощи на переломе двадцатых и тридцатых годов была успешно проведена начатая в 1925 году военная реформа;

во-вторых, благодаря советско-германскому военному сотрудничеству были заложены основы военно-промышленного комплекса СССР. Например,

широко известный ныне подмосковный завод имени Хруничева, производящий ракетную технику, начинался с завода, построенного фирмой “Юнкерс”;

в-третьих, материальные и кадровые резервы, созданные с помощью немцев и во многом на немецкие деньги, помогли выдержать жесточайшие испытания во время войны;

в-четвёртых, подчёркивает тот же С. Горлов, военно-промышленный аспект сотрудничества положительным образом сказался **на развитии всей советской экономики.**

В то же время нельзя не сказать и о том, что это сотрудничество далеко не всегда шло гладко. На его пути нередко вставали идеологические противоречия. В 1923 году Советский Союз поддержал революционные выступления рабочих в Гамбурге и других местах Германии. Не обошлось без утечек различной информации в европейскую прессу. Потому от подписания договора в Рапалло до открытия первой школы в Липецке прошло пять лет. Идеологические противоречия стали основной причиной прекращения военно-технического сотрудничества в 1933 году. Инициатива принадлежала Москве. Как тогда говорили, “РККА показала рейхсверу на дверь”. Но это была уже другая РККА. Германский военный атташе в СССР Гартман 27 марта 1933 года докладывал в Берлин, что “Красная Армия в состоянии вести оборонительную войну против любого противника...”.

Пауза продолжалась до 23 августа 1939 года, когда был заключён пакт Риббентроп–Молотов. К тому времени рейхсвер стал называться вермахтом, но это деталь не столь уж существенная. Куда важнее и на этот раз выяснить, с какой стати тот пакт стал возможен, почему вокруг него до сих пор ломается столько копий, чем новое сотрудничество отличалось (или не отличалось?) от предыдущего.

В корне ситуацию в Европе изменило соглашение, подписанное ведущими европейскими странами с Гитлером в Мюнхене в сентябре 1938 года, о чём прямо говорят многие исследователи. По своей постыдности оно являлось беспримерным. Французский премьер Эдуард Даладьё тогда признавался, что “чувствовал себя Иудой”. Он даже сообщил членам своей делегации, что был не в силах лицом к лицу встретиться с чешскими представителями, ожидавшими в приёмной. Характерны в этом смысле и оценки, данные генеральным секретарём французского МИДа Алексисом Леже. После всего, что случилось в Мюнхене, он возвращался в отель вместе с помощником военно-воздушного атташе Полем Стэленом. Стэлен тоже понимал трагичность происшедшего, но, тем не менее, сказал: “Всё равно это соглашение является облегчением”. Леже ответил: “О, конечно, облегчение! Как будто свой кишечник опорожнил в свои же штаны”.

Вскоре Леже, который выступал против сдачи Чехословакии, был уволен со своего поста и уехал в США. Однако он вряд ли о случившемся сожалел, поскольку был не только дипломатом, но и весьма талантливым поэтом, выступавшим под псевдонимом Сен-Жон Перс: в 1960 году ему присудили Нобелевскую премию в области литературы. Британский мемуарист Л. Мосли в книге “Утраченное время” констатировал: история подтвердила, что Леже употребил верную аналогию для характеристики *Мюнхенского сговора*. Но Мюнхен был не только точкой в дипломатической карьере Леже. Можно с уверенностью говорить, что Мюнхен стал тем пунктом, после которого скатывание Европы к войне стало необратимым. Как справедливо заметил польский военный историк Ян Цялович, именно после этого договора в европейских столицах принимались уже совершенно другие решения.

Никаких сомнений в себе и в своих поступках тогда в Мюнхене не испытывал разве что британский премьер Чемберлен. Он открыто звал, когда представителям Чехословакии зачитывали содержание подписанного соглашения, и, “казалось, слышал очень немногое из того, что говорили” в ответ чехословацкие дипломаты Мастны и Масаржик. Вот одно из характерных суждений британских политиков: “Если понадобятся оправдания перед определёнными кругами, расценивающими это как постыдную капитуляцию перед германскими угрозами, то это можно объяснить нашей постоянной приверженностью принципу самоопределения наций”. Дипломата, произносящего эти слова, совсем не смущало то, что Британия, являясь крупнейшей колониальной империей, как раз и мешала самоопределению десятков наций. Через полгода, когда Гитлер оккупировал и урезанную Чехию, которой Англия дава-

ла гарантии, Чемберлен без тени смущения заявил, что гарантии не имеют значения, так как исчезло государство, которому они давались. Ни слова, ни подписи для него не представляли никакой ценности; главная цель состояла в том, чтобы направить военную агрессию на других.

Больше всего соглашение в Мюнхене изменило положение вещей для СССР. И тоже по инициативе англо-саксов, ведь, как свидетельствуют британские мемуаристы, именно Н. Чемберлен “принял решение исключить Россию из числа участников Мюнхенской конференции”. Когда чехословацкий посланник в Лондоне Ян Масарик напомнил главному человеку в британском МИДе лорду Галифаксу, что СССР “тоже имеет договор с моей страной”, тот цинично ответил: “Пригласить Россию не было времени”. Говоря другими словами, Чемберлен и те, кто за ним стоял, решили бесцеремонно вытолкнуть СССР из клуба великих держав, подвергнуть его изоляции и тем самым указать Гитлеру: вот цель для твоих амбиций, этим никто не поможет. По сути, Советский Союз оказывался в той же ситуации, что и в самом начале двадцатых годов, когда рассчитывать оставалось только на самих себя. Сталину не составляло особого труда понять, что его грубо кинули. Все его дальнейшие попытки “предложить свои услуги” той же Чехословакии, а также Польше лишь подтверждали этот вывод, так как отвергались с порога, что сделал, например, польский министр иностранных дел Юзеф Бек.

Последней каплей для руководства СССР, скорее всего, стал приезд в августе 1939 года на переговоры в Москву делегации во главе с адмиралом Драксом, не имеющей полномочий на подписание каких-либо соглашений. На вопрос маршала Ворошилова, почему так получилось, прозвучал бесцеремонный ответ: “Если бы переговоры проходили в Лондоне, у нас были бы полномочия”. Как пишут некоторые мемуаристы, тогда Ворошилов съездив: “Так, может, мне сбегать в Лондон?” Кстати, в Москву делегация Дракса откровенно не спешила, предпочтя для поездки не самолёт, а неспешный теплоход.

В Москве уже не могли не чувствовать, что их водят за нос. А значит, понимали, что могут кинуть ещё раз, притом ещё дальше. Становилось всё очевидней, что Англия ведёт свою собственную игру, в которой никто и ничто не имеет цены, кроме самой Англии и её собственных интересов. Как метко выразился кто-то из историков, во все времена перед тем, как вступить в войну, Великобритания сначала искала союзников, которыми можно будет пожертвовать. На подступах ко Второй мировой ими стали сначала Чехословакия, затем – Польша, но, похоже, этого было мало, нужна была жертва в виде очень большого куска, которым Гитлер или насытился бы, или подавился бы. Таким куском предстояло стать Советскому Союзу.

О том, что правительство Великобритании вело дело к ещё одному сговору с Гитлером, теперь известно по свидетельствам многих политиков. Одним из них опять является упомянутый Герберт фон Дирксен, который интересен уже тем, что в межвоенное время поочередно возглавлял дипломатические миссии в Варшаве, Москве, Токио, Лондоне. Его мемуары в 2001 году вышли в московском издательстве ОЛМА-ПРЕСС. Они заканчиваются публикацией целой “связки” документов, касающихся августа 1939 года и подтверждающих, что в Москву свою делегацию Лондон направил лишь для отвода глаз. В своём донесении германскому МИДу посол Дирксен писал из Лондона 1 августа 1939 года: “...К продолжению переговоров о пакте с Россией, несмотря на посылку военной миссии, – или, вернее, благодаря этому, – здесь относятся скептически. Об этом свидетельствует состав английской военной миссии: адмирал, до настоящего времени комендант Портсмута, практически находится в отставке и никогда не состоял в штабе адмиралтейства; генерал – точно так же простой строевой офицер; генерал авиации – выдающийся лётчик и преподаватель лётного искусства, но не стратег. Это свидетельствует о том, что военная миссия имеет своей задачей скорее установить боеспособность Советской Армии, чем заключить оперативные соглашения...”.

Затяжка в действиях была налицо, и советскому руководству надо было искать ей логичное объяснение. А оно могло состоять только в одном: Альбион, который во многих странах издавна принято называть не только туманным, но и коварным, скорее всего, что-то готовит, чтобы вскоре поставить перед фактом весь мир. И надеяться, что в том “факте” будут учтены интересы СССР, оснований не было. Не позволял предыдущий опыт, в том числе и совсем свежий – мюнхенский. Значит, нужно было действовать в расчёте только на себя.

А основные усилия Лондона действительно были сконцентрированы совершенно на другом. Убедившись в этом лично, Дирксен через два дня — 3 августа — направил в свой МИД ещё более красноречивое донесение: отчёт о беседе с сэром Горацием Вильсоном, которого называли вторым лицом в правительстве Чемберлена, без консультаций с которым премьер-министр серьёзных решений не принимал. Вильсон предложил германскому послу британо-германские переговоры о заключении двустороннего договора о ненападении. Именно двустороннего, поскольку «привлечение Франции и Италии имело в беседе только подчинённое значение». Затем должно было последовать заявление о «совместных действиях по улучшению мирового экономического положения», переговоры о развитии внешней торговли, об экономических интересах Германии на юго-востоке, о сырье, о колониях. По главной сути, это было предложение о разделе сфер влияния: англо-американской на западе и германской — на востоке. В книге «Сталин-Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 г<оды>» российский историк Г. Л. Розанов в этой связи уточняет, что «в случае согласия на эту «политическую комбинацию» банкиры лондонского Сити готовы были предоставить Германии колоссальный заём — 1 миллиард ф. ст.».

Есть основания полагать, что сформулированное предложение не стало неожиданным и для Гитлера. Оно ведь соответствовало тому, что за год до этого британский министр иностранных дел Британии лорд Галифакс сказал адъютанту нацистского лидера Видеману: «Передайте ему (фюреру), я надеюсь дожить до момента, когда осуществится главная цель моих усилий: увидеть Адольфа Гитлера с королём Англии на балконе Букингемского дворца!». Это Галифакс сформулировал «основной подход» к Чехословакии осенью 1938 года: «Не надо выстрелов — душите их».

Далее посол сообщал о деталях не менее интимного политического характера: в Лондоне преобладает мнение, что «возникшие в последние месяцы связи с другими государствами... отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией». И «сокровенный план английского правительства» состоял в том, что оно «начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.». В случае подписания соглашения с Германией, напоминает Г. Л. Розанов, Англия готова была оказать воздействие на Францию «в том смысле, чтобы она уничтожила свой союз с Советской Россией и свои обязательства в Юго-Восточной Европе». Вильсон специально подчеркнул Дирксену, что предложенная программа переговоров рассматривается британской стороной как официальный зондаж немецкой позиции. А ещё он очень просил о сохранении тайны, ибо если «что-то станет известно, то произойдёт грандиозный скандал, и Чемберлен, вероятно, будет вынужден уйти в отставку».

Однако, похоже, именно эта осторожность и не устроила Гитлера. Скорее всего, у него уже не было времени на то, чтобы думать о спасении репутации Чемберлена. Механизм нападения на Польшу — план «Вайс» — был запущен, к концу августа должны были заговорить пушки. В такой ситуации фюреру надо было обезопасить хотя бы один из военно-политических флангов, а какой — западный или восточный — особого значения уже не имело. И тогда он направил Сталину послание с предложением принять Риббентропа.

То, что Сталин сразу же согласился и тоже свидетельствует о том, что он хорошо прочувствовал ситуацию и продумал последующие шаги. Он без колебаний принял решение *кинуть* тех, кто годом раньше *кинул* его. На сей раз *кинуть* всех скопом. При этом судьба Польши для него имела ничуть не большее значение, чем для Англии, Франции и той же Польши судьба Чехословакии в Мюнхене. В расчёт брались только интересы СССР, что вполне соответствовало английским политическим подходам — урок пошёл впрок. И на этот раз уже Сталин обошёл Чемберлена. Если бы Чемберлен ещё раз обставил Сталина, на стороне Гитлера оказались бы и Великобритания, и Франция. Советский Союз в результате остался бы наедине с объединённой Гитлером Европой, к которой, скорее всего, примкнули бы и США — ведь в 1938-м Ф. Д. Рузвельт поздравлял Чемберлена с успехом в Мюнхене.

О том, что Сталин почуствовал торопливость Гитлера, свидетельствует ещё один существенный нюанс: условия экономического и военно-технического сотрудничества СССР с Германией после пакта Риббентроп-Молотов бы-

ли сформулированы именно советской стороной. В современной прессе много публикаций, утверждающих, что Советский Союз чуть ли не бесплатно кормил Гитлера и его армию, позволяя ему наращивать военные мускулы, что эшелоны с зерном, нефтью, другим сырьём в Германию пошли сразу после подписания пакта. Однако реальная картина была совершенно другой. Во-первых, подписание хозяйственного соглашения между СССР и Германией состоялось только 11 февраля 1940 года. Всё это время шли переговоры, которые были очень даже не простыми. Во-вторых, ещё до пакта Риббентроп-Молотов – 19 августа 1939 года – было подписано кредитное соглашение, согласно которому Германия предоставляла СССР 200 миллионов марок кредита и брала на себя обязательство поставить в СССР не только станки и другое промышленное оборудование, но военную технику. В-третьих, сама Германия в самом деле очень нуждалась в импорте советского сырья и продовольствия, особенно после начала Второй мировой войны и англо-французских действий по экономической блокаде рейха, а опыт двадцатых годов напоминал ей, что СССР располагает всем необходимым. Весьма существенным было и то обстоятельство, что никакие блокирующие меры советским поставкам в рейх в таких условиях помешать не могут, поскольку существовала бы общая граница. В этой связи хозяйственное соглашение приобретало для Германии не только экономический, но и политический характер, так как, заключив его, той же Великобритании можно было бы сказать, что её усилия организовать торговую блокаду попросту наивны. Правда, Германия оказывалась в роли просителя.

В СССР это уловили и не упустили возможности продиктовать условия, тоже используя опыт двадцатых годов. Советское руководство подчеркнуло, что оно готово согласиться на поставки нужных Германии товаров лишь в том случае, если взамен сможет закупать заводское оборудование, более того, весомую часть закупок должны составлять образцы новейшей военной техники. Многие послевоенные немецкие историки – Д. Айхгольц, Х. Перрей – по этому поводу прямо пишут, что “Сталин... намеревался извлечь ещё большую выгоду... и заставить военную экономику Германии в значительной степени работать на СССР”, что он тоже вёл дело к форсированному наращиванию вооружений с помощью “целенаправленного освоения германской технологии”.

Военная техника и технологии и стали главным камнем преткновения на переговорах. Поскольку немцы считали договоры от 23 августа и 28 сентября более выгодными для СССР, чем для Германии, то настаивали на том, чтобы Советский Союз приступил к поставкам незамедлительно. При этом они сформулировали весьма обширный план закупок, рассчитанный на 1 300 миллионов марок в год. Однако их пыл сразу же охладила нарком внешней торговли А. И. Микоян, заявивший, что советские поставки не превысят максимального объёма прошлых лет, то есть 470 миллионов марок. Как подчёркивает один из исследователей этой проблемы – историк В. Я. Сиполс, – названная цифра имела политическое значение, ибо не давала повода для упреков со стороны Англии, Франции и США в адрес Советского Союза. Мировая практика тех лет не считала предосудительным сохранение с воюющей страной торговых отношений на прежнем уровне. Тот же Вашингтон именно так поступал в отношении Италии и Японии, воевавших против Эфиопии и Китая. А вот увеличение оборота резко осуждалось. В то же время нельзя не напомнить и о том, что Англия и Франция, вступившие в войну с Германией, по существу, прекратили выполнение советских заказов. Подобную позицию заняли и США. В этой связи В. Я. Сиполс подчёркивает, что “эти страны фактически сами толкали советское правительство на расширение торговли с Германией”. И здесь повторялась ситуация начала двадцатых годов.

Переговоры шли трудно, поскольку каждая сторона хотела получить от контрагента по максимуму. Первый их этап закончился безрезультатно. В конце октября 1939 года в Германию отправилась советская делегация во главе с наркомом судостроения И. Ф. Тевосяном и его заместителем генералом Г. К. Савченко, в компетенцию которого входили закупки для советских вооружённых сил. Делегация интересовалась военными новинками и сложными станками для производства военных материалов. И. Ф. Тевосян в беседах с немцами, которые настаивали на ускорении советских поставок, не скрывал: “Нашей задачей является получить от Германии новейшие усовершенствованные образцы вооружения и оборудования. Старые типы вооружений покупать не будем. Германское правительство должно показать нам всё новое,

что есть в области вооружения, и пока мы не убедимся в этом, мы не можем дать согласия на эти поставки”.

Дело дошло до Гитлера. Тот разрешил показывать новую технику, уже поступившую в войска, но не допускать к образцам, находившимся в стадии испытаний. Тевосяна это тоже не удовлетворило. Подписание торгового соглашения тормозилось. Гитлер и Геринг снова пошли на уступки, но в то же время немцы стали запрашивать заведомо завышенные цены, чтобы хотя бы таким способом отбить интерес к новинкам. В некоторых случаях цены завышались в 15 раз. В ответ А. И. Микоян 15 декабря 1939 года заявил германскому послу Ф. Шуленбургу, что попытки содрать с русских три шкуры будут безуспешны. Вопрос был поставлен ребром: соглашение зависит, главным образом, от того, готова или не готова немецкая сторона поставить интересующие советскую сторону военные материалы, всё остальное – второстепенно. В результате, пишет Д. Айхгольц, Гитлер “вынужден был уступить ультимативным требованиям Москвы” и согласиться “даже на такие поставки военной техники, которые означали ограничение германской программы наращивания вооружений”.

Лишь после того, как в начале февраля 1940 года в Москве было получено письмо Риббентропа о том, что Германия готова поставлять военные материалы, а также предоставить технический опыт в военной области, советская сторона назвала свои конкретные предложения, касающиеся содержания соглашения. Немцы сразу же их приняли. Соглашение было подписано 11 февраля. СССР брал на себя обязательство поставить товары на сумму 430 миллионов марок за 12 месяцев, Германия – военные материалы и промышленное оборудование на ту же сумму – за 15 месяцев. Разбежка в три месяца объяснялась тем, что немцам требовалось время для производства того, что заказывалось русскими, а русские много могли отправить из государственных запасов – речь идёт о природных и сельскохозяйственных ресурсах, – но они зарезервировали за собой право остановить поставки, если немецкое отставание превысит 20 процентов. Первая задержка поставок в Германию нефти и зерна была сделана 1 апреля 1940 года и сразу же возымела действие. Уже в том самом апреле германский экспорт в СССР по сравнению с мартом возрос в три раза, в мае удвоился и апрельский объём, а в июне – майский.

По данным, зафиксированным на конец мая 1941 года, за полтора предшествовавших года Германия импортировала из СССР 1 миллион тонн нефтепродуктов, 1,6 миллиона тонн зерна – в основном кормового, 111 тысяч тонн хлопка, 36 тысяч тонн жмыха, 10 тысяч тонн льна, 1,8 тысячи тонн никеля, 185 тысяч тонн марганцевой руды, 23 тысячи тонн хромовой руды, 214 тысяч тонн фосфатов, некоторое количество древесины, а также другие товары на общую сумму 310 миллионов марок.

Перечисление того, что СССР приобрёл у Германии, занимает куда больше места. Основную часть немецких поставок составило оборудование для заводов, притом зачастую это были предприятия в комплекте: никелевые, свинцовые, медеплавильные, химические, цементные, сталеплавильные заводы. Было закуплено значительное количество оборудования для нефтеперерабатывающей промышленности, рудников, в том числе буровые станки, около сотни экскаваторов, три грузопассажирских судна, танкер на 12 тысяч тонн, железо, сталь, стальной трос, канатная проволока, дюралюминий, каменный уголь. Внушительное число составили металлорежущие станки – 6430. Для сравнения скажем, что в 1939 году импорт таких станков из всех стран не превысил 3,5 тысячи. Д. Айхгольц даже пришёл к выводу, что поставка в СССР такого большого количества новейших станков заметно ослабила германскую экономику, ибо больше половины её собственных станков были уже устаревшими.

А ещё Советский Союз получил из Германии “сотни видов новейших образцов военной техники”, – указывает В. Я. Сиполс. Приостановка советских поставок в начале апреля 1940 года настолько подействовала на немцев, что уже в мае в СССР были отправлены два самолёта “Дорнье-215”, пять самолётов “Мессершмитт-109”, пять самолётов “Мессершмитт-110”, два самолёта “Юнкерс-88”, три самолёта “Хейнкель-100”, три самолёта “Бюккер-131” и столько же “Бюккер-133”, в июне ещё два “Хейнкель-100”, несколько позже – три “Фоккевульф-58”. Разумеется, на этих машинах никто не собирался воевать, они предназначались для изучения в соответствующих центрах и ла-

бораториях. Поставлялись также стенды для испытания моторов, пропеллеры, поршневые кольца, высотомеры, самописцы скорости, системы кислородного обеспечения при полётах на большой высоте, аэрофотокамеры, приборы для определения нагрузок при управлении летательными аппаратами, самолётные радиостанции с переговорными устройствами, радиопеленгаторы, приборы для слепой посадки, аккумуляторы, клепальные станки-автоматы, бомбовые прицелы, комплекты фугасных, осколочно-фугасных и осколочных бомб. Соответствующие предприятия приобрели 50 видов испытательного оборудования.

В конце мая 1940 года в Ленинград был переправлен и недостроенный тяжёлый крейсер “Лютцов” – тот самый, который стал “Петропавловском” и которому суждено было защищать от гитлеровцев Ленинград. Для военно-морского флота шли также гребные валы, компрессоры высокого давления, рулевые механизмы, моторы для катеров, судовая электроаппаратура, вентиляторы, оцинкованный кабель, судовое медицинское оборудование, насосы, аккумуляторные батареи для подводных лодок, системы для уменьшения влияния качки на судовые приборы, чертежи 280- и 408-миллиметровых трехорудийных корабельных башен, стереодальномеры, перископы, противолодочные бомбометы, параван-тралы, противотральные ножи, магнитные компасы, образцы мин, гидроакустическая аппаратура, даже корабельные хлебопекарни, оборудование для камбузов и многое другое.

Для советских артиллеристов были получены два комплекта тяжёлых полевых гаубиц калибра 211 миллиметров, батарея 105-миллиметровых зенитных пушек с боекомплектом, приборы для управления огнём, прожекторы, два десятка прессов для отжима гильз, а также дизель-моторы, полугусеничные тягачи, образец среднего танка. Очень ценным было оборудование для лабораторий, образцы радиосвязи для сухопутных войск, костюмы химической защиты, в том числе огнестойкие, противогазы, фильтропоглощительные установки, дегазирующие вещества, кислородно-регенеративная установка для газоубежища, портативные приборы для определения наличия отравляющих веществ, огнеупорные и антикоррозийные корабельные краски, образцы синтетического каучука.

Сугубо военные поставки по хозяйственному соглашению составили почти треть общего объёма. При этом В. Я. Сиполс цитирует немецких авторов, которые категорически отвергают заявления, будто Германия с января 1941 года ничего не направляла в СССР. Наоборот, подчёркивают они, всё шло “в рекордных масштабах”. И если экспорт из СССР в Германию апреле-июне 1941 года составил 130,8 миллиона марок, то импорт из Германии в СССР превысил 151 миллион. А поскольку оплата осуществлялась в течение месяца по факту поставки, то Советский Союз не успел перевести в рейх более 70 миллионов марок за товары, полученные в мае и июне. Более того, учитывая платежи по различным кредитным обязательствам, СССР “остался должен” Германии 100 миллионов марок.

Вполне возможно, что руководство рейха скрупулёзно выполняло свои обязательства по поставкам в СССР и для того, чтобы усыпить бдительность Сталина. А ещё оно полагало, что одержит молниеносную победу и не даст возможности воспользоваться новейшими знаниями. Скорее всего, так и было. Но Советский Союз настроен был на длительную драку и оказался в выигрыше. Нефть и продовольствие, экспортированные в Германию, были израсходованы быстро, а немецкое заводское оборудование работало на советскую оборону всю войну. Если учесть, что за все предвоенные годы его было закуплено на несколько миллиардов марок, то оно действительно “во многом помогло СССР создать оборонную промышленность, которая оказалась в состоянии выпустить в годы войны больше вооружений, чем произвела Германия”. А новейшие образцы немецких вооружений служили службу тому, чтобы советская военная техника “в войне нередко даже превосходила по своему качеству германскую”.

Советско-германские отношения по договору в Рапалло, а затем по пакту Риббентроп-Молотов в исторической литературе часто называются “браком по расчёту”. Можно добавить, что по очень холодному расчёту. В этом “браке” одна сторона терпела другую только в силу острой необходимости, поскольку иначе можно было ходить в политических “бобылях”. Однако надо обязательно добавить, что незримыми шаферами за столом, на котором под-

писывались договоры в Рапалло и Москве, были предводители англов, саксов, франков и не только. Есть все основания считать, что 23 августа 1939 года за спиной подписантов Риббентропа и Молотова стояли тени британского премьера Чемберлена, французского – Даладье, польского министра иностранных дел Ю. Бека, румынского и болгарского королей, венгерского правителя адмирала Хорти, желавших, чтобы по главному счёту, как чуть позже записал в своих дневниках Ю. Бек, заплатили русские. И когда русские на самом деле стали платить, ибо началась война, Бек констатировал, что поляки в этой связи должны ходить с высоко поднятой головой.

А что касается Чемберлена, то У. Черчилль, характеризуя его политику по отношению к Германии, сказал так: ему предстояло выбрать между позором и войной, а он выбрал позор и войну. Договор же, подписанный в августе 1939 года между Германией и СССР, Черчилль признал жизненно необходимым и для СССР, и для будущей победы над нацизмом. Весьма точным является суждение русского историка и мыслителя Вадима Кожинова. В работе “Война и геополитика” он резюмировал: “И публикуя фотографию, на которой Сталин пожимает руку Риббентропу, следовало бы уж опубликовать рядом и другую, – к сожалению, менее известную, – на которой Гитлер, стоя на лестнице своего высокогорного дворца двумя ступеньками выше Чемберлена, взирает сверху вниз на бывшего двадцатью годами старше его, еле держащегося на ногах после утомительного путешествия правителя Британской империи, который к тому же затем являлся на поклон к Гитлеру ещё и в Бад-Годесберг около Бонна 22 сентября и, наконец, в третий раз, в Мюнхен 29 сентября, стремясь осуществить свой “план Зет”, который, по его словам, представлял собой “решение, приемлемое для всех, кроме России”. В. Кожинов окончательно расставляет точки над “i” в следующем умозаключении: “Но Гитлер – и он со своей точки зрения был совершенно прав – через год неожиданно заключил “пакт” с СССР-Россией и в 1940 году двинулся всё же на запад, чтобы, вобрав мощь Европы, уже затем двинуться на Москву”.

Очень образно по этому поводу высказался российский дипломат и профессиональный германист Юлий Квицинский: “Советский Союз не продал в 1939 году душу дьяволу. Он сел играть с чертями в карты и обыграл их. Обыграл вчистую”. Успех советской политики, пишет он, состоял в том, что СССР для начала расколол реальную коалицию Гитлера и западных “умиротворителей”, а о том, что она была, недвусмысленно свидетельствуют и следующие слова заместителя министра иностранных дел Великобритании О. Харви: “Фактически за Германию ультиматум чехам предъявляли мы”. Затем, понимая неизбежность войны с Германией, Советский Союз “пропустил вперед” Англию и Францию, которые планировали как раз противоположное. А те, сразу же “вкусив по полной” от вермахта, люфтваффе и кригсмарине в 1939–1940 годах, поняли, что иного выхода, кроме союза с Советами, у них нет. Так что тот договор можно и даже нужно назвать документом, который стал предтечей антигитлеровской коалиции. Но напади Гитлер сначала на СССР, никто на помощь ему не пришёл бы. Неужели именно о таком несостоявшемся развитии событий ныне сожалеют критики этого договора?

В этом смысле весьма красноречиво суждение авторитетного российского историка Натальи Нарочницкой: “Советско-германский договор 1939 г<ода> действительно изменил очерёдность и “расписание” планируемых Гитлером нападений на менее приемлемое для Запада. Но главное – договор 1939 г<ода>, поменяв “всего лишь” “расписание” войны, поменял и послевоенную конфигурацию, сделав невозможным для англосаксов войти в Восточную Европу ни в начале войны, ни после победы. А следовательно, потерпели крах надежды изъять Восточную Европу из орбиты СССР. Именно поэтому пакт Молотова–Риббентропа 1939 г<ода> – это крупнейший провал английской стратегии за весь XX в<ек>, и именно поэтому его всегда будут демонизировать”.

Широко известно, что пакт Риббентропа–Молотова во многом дезориентировал советскую общественность, включая военных. Да и не только советскую. Не будет, пожалуй, особой ошибки, если сказать, что продолжает дезориентировать и сейчас. А вот что касается немцев, то в наше время, когда открыты многие архивы, уже известно, что тогда “ведущие представителя германских элит не были ошеломлены советско-германским договором о ненападении”. Как пишет Д. Айхгольц, наоборот, “военное руководство, ведущие сотрудники внешнеполитического ведомства, промышленники из окружения

Геринга были посвящены в планы Гитлера относительно СССР". Все понимали, что, подписав договор, Германия сохранила за собой право совершить "нападение на Советский Союз позднее", — цитирует историк дневниковые записи немецкого посла в Италии У. фон Хасселя. Они знали, что ещё 5 ноября 1937 года на совещании высших военных в имперской канцелярии Гитлер назвал конкретные цели германской экспансии и даже перечислил страны, которые подвергнутся этому первыми: Австрия, Чехословакия, Польша, что потом подтвердилось даже в порядке очерёдности. Затем был назван и Советский Союз. Участникам совещания настойчиво внушалась мысль о том, что "единственной возможностью решить "германский вопрос" на длительную перспективу является широкая экспансия в восточном направлении".

В наше время объявилось немало желающих именно этот договор назвать главной причиной начала Второй мировой войны, на одну доску ставя гитлеровскую Германию и СССР, как это сделала Парламентская Ассамблея Европы. И кое-кого понять можно. Тех же немцев, которым, можно не сомневаться, незачем возражать, если кто-то твердит, что "черти", а лучше сказать исчадия ада, водились тогда не только на их земле. Точно так же можно понять и других *мюнхенских подписантов*, которые тоже не прочь отвести от себя вину. Как говорил гоголевский Пацюк Вакуле в "Вечерах на хуторе близ Диканьки", "тому не надо долго искать чорта, у кого чорт за плечами". Не тот ли чёрт водил рукой и людей, писавших решение, принятое ПАСЕ?

Но чем объяснить звучащие в Беларуси злопыхания по поводу акта, позволившего объединиться белорусскому народу и его землям? Ведь, как бы ни проклинать Сталина, других предпосылок, кроме прихода Красной Армии, для воссоединения белорусских земель, почти половину которых в начале 20-х оттяпала Польша, не было. Никакая другая страна, политическая сила и даже сторона света того не обещала. Так может, об этом и стоило бы помнить в первую очередь, "если дорог тебе твой дом". Как ни крути, а до 17 сентября, когда Красная Армия начала свой рывок к Бресту, дом этот был в два раза меньше. В таком случае, с какой стати каждый год в этот день и в Беларуси звучат голоса с проклятиями по адресу названной даты? Возможно, стоит предположить, что они звучат не совсем с белорусского голоса. Известный белорусский историк Александр Коваленя высказал суждение, что к очернению советского прошлого в нынешней Беларуси активно подключились наследники тех, кого белорусы называли "бобиками", то есть полицаев и прочих предателей, пошедших в услужение гитлеровцам. По крайней мере, их идейные наследники.

Немало стенаний по поводу сентября 1939 года и у наших соседей с севера и юга. А ведь и Украина, и Литва тоже были разделёнными. Это после "того сентября" снова стали украинскими Львов, Луцк, Сарны, Ровно, Дубно, Броды, Владимир Волынский, Станислав, Дрогобыч, Тернополь, Самбор, Ковель, а Вильнюс вернулся в лоно Литвы и теперь является её столицей. В 1939 году Д. Ллойд-Джордж писал польскому послу, что СССР занял "территории, которые не являются польскими и которые были силой захвачены Польшей после первой мировой войны... Было бы актом **преступного безумия** (выделено мною. — Авт.) поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии". А поскольку именно так нынче поступают многие авторы в России, Белоруссии, на Украине, то резонно спросить, кто в этом споре выглядит большим русским, белорусом, украинцем, даже литовцем? Неужели Д. Ллойд-Джордж?

И всё-таки остаётся открытым самый главный вопрос: если теперь западная Европа ставит на одну доску нацистскую Германию и СССР, то почему тогда — во время Мюнхена — она выбрала Гитлера? А тем более, как получилось, что геополитические цели войны 1941–1945 годов, на что указал В. Кожинов, фактически осуществляли "не 70 млн немцев, а более 300 млн европейцев, объединённых на различных основаниях — от вынужденного подчинения до желанного содружества, — но так или иначе действовавших в одном направлении"? Только ли потому, что подвело, не оправдалось предвоенное политическое лавирование? Или потому, что сработало убеждение, выраженное в одной западных пословиц: лучше быть живым кроликом, чем мёртвым львом? Или было ещё что-то, о чём не принято говорить вслух?

Недавно основательную попытку осмыслить причины возникновения Второй мировой войны средствами кинохудожника предпринял российский ре-

жиссер Карен Шахназаров в своем фильме “Белый тигр” — произведении, полном глубоких аллегорий и суждений, хотя формально в его основе лежит поединок советской “тридцатьчетвёрки” с немецким танком. Фильм не лишён и мистики, поскольку в нём тот “тигр” появляется и исчезает, как призрак, нанося советским бронетанковым подразделениям большой урон, однако за мистическим налётом таятся весомые политические выводы, как минимум, серьёзные намёки. В любом случае, это лента не только и не столько о столкновении “тридцатьчетвёрки” с “тигром”.

Пожалуй, самой многозначительной сценой фильма является финальная. В ней фюрер поверженной страны рассуждает о том, ради чего велась война, и с экрана звучат поразительные по откровенности слова: “Мы нашли мужество осуществить то, о чем мечтала Европа... Разве мы не осуществили мечту каждого европейского обывателя... Они всегда не любили евреев... Всю жизнь они боялись этой страны на востоке... этого кентавра... России. Разве мы придумали что-то новое?... Мы просто внесли ясность в то, где все хотели ясности... Теперь же немецкий народ сделают виновником всего...”. Чтобы глубже осмыслить прозвучавшие слова, попробуем снова обратиться к фактам. Не зря же американская поговорка гласит, что умные люди не спорят, они просто уточняют факты. И сначала ещё раз вернёмся к евреям...

В минувшем году норвежский премьер Йенс Столтенберг извинился перед евреями за то, что его страна участвовала в Холокосте. Вроде бы — где та Норвегия? Ведь войну развязала нацистская Германия. Но, оказывается, и у норвежцев, как говорится, рыльце в пушку. И не только у них. Двадцать лет назад в Амстердаме во время посещения музея Анны Франк мне просто не могло прийти в голову, что, рассказывая об ужасной судьбе девочки, которая более двух лет вместе с семьёй укрывалась от гитлеровцев в узком тайнике, устроенном в складском помещении, хозяева умолчат о чём-то весьма существенном. О самой Анне Франк, о том, что в своём убежище она вела дневник, мы знали с ученических лет и с волнением рассматривали его страницы, хранящиеся под стеклом в том самом ставшем музеем убежище. Но нам даже не намекнули, что Анну Франк эсэсовцам выдали голландцы. Это теперь известно, что во время послевоенного следствия называлось несколько фамилий, однако точно установлено лишь то, что стукач, сообщивший, где прячется девочка, получил 7,5 гульдена. Такую мзду тогда в Нидерландах платили всем, кто указывал на скрывающегося еврея. Уточним, что гульден был в те годы втрое дороже британского фунта.

Подобного рода “услуги” по выявлению евреев оплачивались не только в Голландии. Во Франции, утверждают, платили 20 франков. А лишение евреев имущества во время Второй мировой войны во многих странах стало делом государственной политики, притом не только гитлеровской, напоминает польский публицист Пётр Осека. Его статья под красноречивым названием “Кто мог предположить, что вы выживете?” опубликована в польском журнале “Политика” в 2011 году. Ей предпослан недвусмысленный подзаголовок: “Вся Европа принимала участие в грабеже имущества евреев, которым нацисты приготовили Холокост”. Однако Голландия, подчёркивает Пётр Осека, ссылаясь на европейских исследователей, была “образцовым примером исправно организованного грабежа”. В Голландии местные власти сначала скрупулёзно учли всех, на кого можно было распространить “нюрнбергские законы”, которыми евреям ограничивалось право на профессиональную деятельность, обладание имуществом и, как оказалось, на жизнь. Затем, вслед за составлением списков, под вывеской “еврейского банка Lippman Rozental&Co (Liro)” было создано учреждение, имитирующее деятельность банка, по сути же ставшее продуманной ловушкой”. Евреев заставили перенести туда счета, депозиты, страховые полисы, патенты, ценные бумаги, бижутерию, предметы искусства, документы на все виды собственности. Это был ловкий ход: банк местный и еврейский, в выдаваемых им бумагах утверждается, что голландские законы продолжают действовать, и начавшие было нервничать евреи успокоились. Они “понятия не имели, что делается по другую сторону банковских окошек”. На самом же деле номера счетов, выдаваемые Liro, были липовыми. Все вклады и ценности “бросались в один котёл”, а если евреи пытались получить выплаты, то “они узнавали, что их счета заблокированы”.

Хитрый механизм был применён и против еврейских фирм в Антверпене, занимающихся торговлей бриллиантами. Власти сначала позаботились, что-

бы владельцы не узнали, что их ожидает, не вывезли драгоценности за границу, не попрятали их и “не лишили немцев ожидаемой добычи”. Потом бриллианты скупались по всё более низким ценам, так как собственники фирм остро нуждались в средствах на получение “свидетельств исключения”, которые избавляли их от вывоза в лагерь. От того страха драгоценных камней на рынке становилось всё больше, цены опускались все ниже, а работники “государственного алмазного управления без колебаний подтверждали все транзакции, что позволяло немцам продавать камни нейтральным государствам”.

Во Франции всё происходило несколько иначе. Там осуществлялись меры по “ариизации магазинов и фабрик”, чем занимались тысячи французских государственных чиновников. В этой ситуации фирмы сами старались избавиться от совладельцев-евреев, “заменяя их родовитыми французами”. Именно так “развивались события в Société Parisienne de Confection и широко известной Galerie Lafayette”. Евреев-собственников понуждали к “продаже своих активов за бесценок, либо под разными предлогами аннулировали их документы на право обладания”. В тех случаях, когда “французские чиновники действовали слишком сонно, выручали местные бизнесмены, охотно указывая на неарийских владельцев фирм-конкурентов”. После войны исследователь из британского Оксфорда Роббер Жильдо в работе, построенной на документах трёх французских префектур, сделал вывод, что в деле “ариизации” предприятий “французская общественность оказалась куда более антисемитской и жадной, нежели французские власти”.

В разных странах Западной Европы грабёж еврейского имущества приобретал различные формы и степень брутальности, однако круг непосредственных и примыкающих к ним грабителей бывал очень широким: граждане Франции, Бельгии, Голландии, Италии, Румынии, Болгарии, Венгрии массово участвовали в выкупе еврейского имущества за гроши по отношению к его действительной стоимости. А вскоре мебель, наряды, автомашины, картины выставлялись на продажу в пользующихся хорошей репутацией аукционных домах Парижа, Милана, Брюсселя и Вены.

Принудительно лишённые имущества евреи Западной Европы, даже добровольно отдавшие свое имущество, в большинстве своём смерти не избежали. Их потом грузили в эшелоны и отправляли в лагерь смерти. Отправляли местные власти! Только 16 июля 1942 года из Парижа и парижских пригородов было депортировано почти 10 тысяч евреев. В этом “мероприятии” участвовало 450 французских полицейских и жандармов. Такие же эшелоны тянулись из Венгрии, Италии, Болгарии, Норвегии, Словакии, Голландии и других стран. Исключением стала Дания: большинство своих евреев датчане переправили в нейтральную Швецию.

О степени вовлечения населения западноевропейских государств в преступления нацистов свидетельствует и то, что в большинстве этих стран после войны были приняты законы, хотя и отменяющие декреты гитлеровской оккупации, но не учитывающие интересов евреев, подчёркивает польский публицист Пётр Осека. Тем из них, кто уцелел, надо было доказывать, что их ограбили, предъявить документы, подтверждающие, что они чем-то владели. Как написал Роббер Жильдо, которого цитирует Пётр Осека, когда несколько евреев вернулись в французский город Тур, то они увидели, что их имущество поделено и распродано, а на вопросы звучал один ответ: “Кто мог подумать, что вы выживете!” В странах, испачкавшихся коллаборационизмом, вопросы собственности толковались не в пользу потерпевших, а “крайним примером такой позиции была ситуация в Италии, где возвращением еврейского имущества занималась та самая государственная структура, которая в 1939 году контролировала ход его конфискации”.

В нынешней Европе мало кто догадывается, что банковские проценты нередко базируются на тех самых еврейских деньгах. На исходе XX века правительство Швейцарии под давлением еврейской общественности согласилось, чтобы комиссия под руководством бывшего шефа американской Федеральной резервной системы Пола Волккера исследовала недоступные до этого банковские архивы. Итоги потрясли всех, поскольку “оказалось, что группа швейцарских банков, среди которых был и *Credit Suisse*, во время войны отмывала нацистские деньги в огромных количествах, и прежде всего, полученные в ходе грабежа евреев”. Общая сумма поступивших из Третьего рейха в Швейцарию “инвестиций” такого рода была “оценена в 15 миллиардов со-

временных франков – это больше, нежели тогда стоил валовой продукт Швейцарии”. Было подсчитано, что “почти 80 процентов золота, награбленного во время Холокоста, прошло через швейцарские финансовые институты, которые от имени своих клиентов совершали транзакции, поддерживающие германскую военную промышленность”. Комиссия открыла несколько десятков счетов и страховых полисов, принадлежащих погибшим евреям. В одной из стран – теперь уже членов ЕС – на еврейские богатства в своё время был создан пенсионный фонд, действующий и поныне.

В таком случае закономерен вопрос: такое отношение к евреям во время Второй мировой войны в Голландии, Франции, Италии, Венгрии посеял Гитлер? До этого ничего подобного не было? Но что же это была за почва, давшая столь быстрые ростки? Так вот, германский историк О. Егер в своей “Истории Средних веков”, кстати, изданной в Москве в 2007 году, напоминает, что ещё во второй половине XI века в ходе погрома в Рейнской долине было убито 12 тысяч евреев. А Вадим Кожин не раз цитировал “Еврейскую энциклопедию”, в которой сказано, что “в эпоху Возрождения убито 40 процентов европейских евреев”. И толковал происшедшее расширительно: то, что произошло в Германии при нацизме, “не было собственно германским явлением”, что “эта гигантская вспышка была как бы концентрацией общеевропейских настроений”.

Теперь в Европе, а тем более в Германии, только за сомнение в ужасах Холокоста можно получить тюремное заключение. Евреям не только немцы, но и руководители многих других государств принесли извинения. Разумеется, было бы наивностью думать, что это “вполне достаточная компенсация” еврейскому народу, однако, насколько помнится, все те, кто жил и живёт к востоку от Западного и Южного Буга, не удостоились и такого и, скорее всего, подобно никому не приходит в голову. В этой связи вспоминается ещё один случай из упомянутой уже поездки в Голландию. Она организована была по линии Фонда мира и предусматривала встречи с общественностью. Во время одной из них амстердамский учитель, фамилия которого не запомнилась, а записать её тогда я не удосужился, начал своё выступление с того, что выразил свое искреннее удивление: “Мой отец говорил, что лучше иметь бомбу на кухне, чем русского в доме. И вот я разговариваю с русскими...”.

Во время перерыва некоторые из нас попытались выяснить у учителя, знает ли он, что, если бы русские не разбили Наполеона и Гитлера, то Королевства Нидерланды могло бы и не быть, поскольку эти территории оставались бы провинциями Французской или Германской империи. Тот не понял, о чём речь, или сделал вид, что не понял, хотя на его лице и отразилась некоторая растерянность. Теперь мы, скорее всего, заострили бы свои вопросы, но тогда сами ещё многого не знали, у нас на самом деле ужасы и трагедии той войны ассоциировались исключительно с немцами – Вадим Кожин ещё только готовил свои публикации к печати, а иностранные авторы ещё переводились на русский язык. Это уже на исходе XX века Кожинным были обнародованы шокирующие данные о том, что в числе военнопленных, взятых Красной Армией к маю 1945 года, помимо немцев, австрийцев, румын, итальянцев, венгров, финнов – официальных союзников рейха, – было 494 147 военнопленных, представлявших не воевавшие с СССР государства: голландцев, бельгийцев, чехов, поляков, норвежцев, французов, датчан, люксембуржцев. И совсем уж не по себе становилось от слов о том, что французов, оказывается, в боях на стороне Гитлера погибло, как минимум, в два раза больше, чем в движении Сопротивления. Из книги О. Бэйды “Французский легион на службе Гитлеру”, выпущенной издательством “Вече” в нынешнем году, теперь известно, что легион французских добровольцев принимал участие в наступлении на Москву в 1941 году, а впоследствии вёл бои против партизан на белорусских землях: на Минщине, на Могилевщине.

Американский историк Джордж Г. Стейн в книге “Ваффен СС” пишет, что самый многочисленный контингент в СС составляли голландцы – около 50 тысяч штыков. Они воевали под Ленинградом, где почти 5000 из них оказались в плену. Около 40 тысяч “поставила” в СС Бельгия, примерно столько же или даже больше – Франция, по шесть тысяч – Дания и Норвегия, были в СС шведы, швейцарцы и даже англичане. Силой их туда, конечно же, никто не гнал и не тащил: в СС принимались только добровольцы. И, добавим, воевали они усердно. Как утверждает исследователь В. Акунов, бельгиец Леон Дегрель, поступив на службу в СС в 1942 году ефрейтором, дослужился до генерала

и командира дивизии СС “Валлония”, к концу войны его мундир украшало 22 боевые награды. Однако “из числа добровольцев всех национальностей, когда-либо сражавшихся с большевиками в составе Ваффен СС, эстонцы и латыши получили наибольшее число германских наград”. Судя по публикациям в мировой прессе, в СС, СД, организациях Тодта и других частях на стороне Гитлера воевало примерно 100 000 латышей и 10 000 эстонцев. О том, как они сражались “за дело фюрера”, красноречиво свидетельствует эпизод из воспоминаний поручика В. Балтиньша, отрывок из которых в своей книге “Проклятые солдаты” приводит Сергей Чуев: “В конце 1943 года я был командирован одним латвийским учреждением в Россию – в бывшую Витебскую губернию. Многие видел я сам, многое узнал со слов жителей деревень Князево (Красное), Барсуки, Розалино и др. Когда немецкие части, занимавшие эти деревни и вполне терпимо относившиеся к населению, ушли, им на смену пришли части латвийского “Эсэс”. И сразу же начался страшный беспричинный террор. Жители были вынуждены по ночам разбегаться по лесам и скрываться от них, как дикие звери... В 1944 году я приехал в деревню Морочково. Вся она была сожжена... Мне... удалось переговорить по-латышски с несколькими эсэсовцами. Я спросил у одного из них, почему вокруг деревни лежат непогребённые трупы женщин, стариков и детей – сотни трупов, а также убитые лошади. Сильный трупный запах носился в воздухе. Ответ был таков: “Мы убили их, чтобы уничтожить как можно больше русских”. После этого он подвёл меня к сгоревшей хате. Там лежало несколько обгорелых тел, полужасыпанных соломой и пеплом.

– А этих, – сказал он, – мы сожгли живьём”.

И далее: “В мае месяце, в районе деревни Кобыльники в одной из ложбин я видел около трех тысяч тел расстрелянных крестьян, преимущественно женщин и детей. Уцелевшие жители рассказывали, что им пришлось пережить, что расстрелами занимались “люди, носившие черепа на касках и красно-бело-красные флажки на левом рукаве – латышские эсэсовцы”.

И ещё: “Не помню название деревни, в которой внимание моё привлекла туча мух, кружившаяся над деревянной бочкой. Заглянув в бочку, я увидел в ней отрезанные мужские головы... Вокруг деревни мы нашли немало трупов расстрелянных крестьянок. После разговора с уцелевшими крестьянами у нас не осталось сомнений в том, что и здесь оперировали латышские эсэсовцы, показавшие своё мужество и неустранимость в расправах над беззащитным населением”. В следующем абзаце сообщается, что на такие же зверства В. Балтиньшу “пришлось натолкнуться и в Псковской губернии, со стороны эстонских эсэсовцев”.

Не менее интересны и свидетельства на эту тему, приведённые в упомянутой уже книге О. Бэиды. Одно из них принадлежит бывшему власовцу П. Каштанову и тоже касается белорусских территорий: “Военнослужащие Французского легиона, которые служили немцам, окружили деревню Красное и расстреляли всех её жителей лишь потому, что партизаны один раз побывали в этом населённом пункте...”.

А вот воспоминания французского журналиста Люсьена Ребатэ о своей встрече с эсэсовцем-добровольцем, приехавшим в отпуск:

“– Вы проводите операции против партизан, не так ли? Как это происходит?”

– Каждый раз, когда они заканчивают бой, они теряются на местности. Там огромные пространства. Леса... Тогда мы сжигаем деревни, откуда они пришли и куда они могут вернуться, чтобы пополнить продовольствие. Горят хорошо – всё из дерева.

– А жители этих деревень?

– Мы их забрализируем...

– Как ты сказал?

– Да убиваем, как!

– Всех?

– Весь набор.

– А детей?

– Детей тоже. Не оставлять же их лежать на снегу в одиночестве. Мы чelовечные”.

По итогам операции под кодовым названием “Марокко” действия “французов в подавлении сопротивления “большевистских банд” в тылу германской

армии” были отмечены даже в общей сводке Верховного командования вермахта, а командир 4-й армии генерал-полковник Хайнрици прислал личные поздравления полку французских эсэсовцев, его командиру полковнику Пюо за рвение “в борьбе за сохранение Европы и её культуры против азиатского большевизма”. Кстати, сам Пюо, вступая в командование своим подразделением уже на белорусской земле, в специальном приказе, обращённом к подчинённым, подчеркнул, что они воюют “ради нашей страны (то есть Франции. — Авт.) и ради Новой Европы, гордой, пылкой, человеческой, под эгидой Великой Германии”. Вот так-то, даже *человечной!* Но вот ещё одна цитата из той же книги: “За длинным столом сидели пьяные французы. В углу под иконами сидела старушка с отвисшей от страха челюстью. К ней прижались маленькие девочка и мальчик... В спальне за дощатой стеной оккупанты по очереди насильовали молодую хозяйку, которая, по-видимому, была без памяти... Всего “вояк” оказалось восемь человек. Мы их в лесу расстреляли...”. Это уже из воспоминаний партизана В. Л. Тамаркина.

Только за участие в операции “Карлсбад” против белорусских партизан французские легионеры “получили 14 Железных крестов и ещё 37 Крестов за военные заслуги; в приказе по дивизии французский легион был отмечен трижды”. Так что трудно возразить В. Кожиннову, утверждавшему, что “едва ли соответствующие германские инстанции шли бы на столь очевидный риск, внедряя в войска огромное количество... заведомо враждебно настроенных военнослужащих”. Наоборот, многие события тех лет свидетельствуют, что иностранцы на гитлеровской службе были зачастую даже более жестоки, чем немцы. Почему? Некоторый свет на это проливают записки Симони — командира одного из французских эсэсовских батальонов, бесчинствовавших на Брянщине, Смоленщине и на белорусской земле. Он вполне резонно полагал, что речь идёт о проблеме ментального характера. Мол, поскольку они воевали в немецкой военной форме, то “легионеры... в своём сознании стали немцами”, французскими у них остались только недостатки: приезжая из отпуска, они твердят, что “рады вернуться в батальон, у нас больше нет ничего общего с чем-то французским”. Ссылаясь на самого Наполеона I, Симони утверждал, что, попав в армию, “ты становишься человеком униформы”.

Однако, скорее всего, здесь надо вести речь о синдроме иного характера. И напрашивается ещё одно воспоминание из той самой поездки в Голландию, которая состоялась двадцать лет назад. Тогда нам довелось присутствовать на молебне в протестантской общине, который удивил нас тем, что показался нам больше похожим на концерт. Зал, в котором он проходил, напоминал привычный нам Дом культуры, пение сопровождалось музыкой на электрогитарах. А среди поющих обратил на себя внимание один парень — в своём певческом старании он доходил буквально до экстаза. Его поведение пояснил нам муж молодой женщины, которая привела нас на это мероприятие:

— Это ирландец, — улыбнулся он. — Недавно перешёл в протестантство из католицизма и теперь старается доказать, что он больше верующий, чем мы.

Вот здесь, скорее всего, и “зарыта собака”. Подобное усердие — удел всех перебежчиков, прозелитов и прочих особей, “переменивших веру”. Их удел — всю оставшуюся жизнь лезть из кожи вон и доказывать, что они даже лучше “староверов”. Во время той страшной войны эсэсовцы всех “ненемецких” мастей, видимо, тоже шкурой чувствовали, что “истинные арийцы” не смогут считать их “стопроцентно своими”. Вот и старались превзойти их хоть в чём-то. В некоторых “деяниях” это у них получалось, тем более, что “чистокровные” не прочь были поручить самую грязную работу как раз “человекам униформы”, что никак не оправдывает первых, а лишь подчёркивает мерзость вторых. И было их... В одной из статей, посвящённой потерям противников в Великой Отечественной войне, приведена таблица, из которой следует, что, помимо трех миллионов солдат и офицеров армий союзных рейху государств, личный состав иностранных формирований в нацистских вооружённых силах насчитывал ещё миллион человек. Таблица сопровождается цитатой немецкого профессора К. Пфедфера, который писал в 1953 году, что “большинство добровольцев из стран Западной Европы шло на Восточный фронт потому, что видело в этом ОБЩУЮ задачу для всего Запада...”.

Но вот ещё одна фраза, сформулированная тогда, когда немцы наседали на Сталинград: “Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское вар-

варство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств”. Она прозвучала из других политических шеренг и принадлежит У. Черчиллю: она сформулирована в секретном меморандуме, составленном в октябре 1942 года. Сэр Уинстон, как и амстердамский учитель, не брал в расчёт, что русские в древних европейских государствах и прежде бывали, в том же Берлине, Вене, даже в Париж хаживали. Но войдя в Париж, они и не помышляли взорвать Лувр или Нотр-Дам-де-Пари, в отличие от представителя древних цивилизаций Наполеона, который приказал заложить пороховые заряды под Кремль и его соборы. Как ни крути, а в контексте приведённых фактов и суждений куда яснее становятся и речи кинематографического фюера из фильма Карена Шахназарова, и реального учителя из Амстердама.

Кто-то скажет: давно это было. Однако в феврале 2013 года одна из ведущих варшавских газет “Речь посполита” опубликовала весьма примечательный материал. Оказывается, шумиха вокруг отречения Папы Бенедикта XVI заслонила гораздо более важные для польской геополитики новости с Востока: “Обнародованные показатели Газпрома показывают, что объёмы продажи российского газа в Европе падают, а это значит, что мощное политическое оружие, перед которым ещё шесть лет назад во время печально известного зимнего кризиса трепетала вся Европа, затупилось”. А дальше – сплошная радость: “Для Польши это прекрасная новость... Чем слабее будет “Газпром”, тем меньше он будет экспортировать газа и чем меньше поступлений получит российский бюджет, следовательно, тем больше будут шансы, например, на приостановление амбициозной российской программы модернизации армии... Сейчас всё будет иначе. Меняется мировая модель снабжения энергоресурсами, а это удар по самой чувствительной точке Москвы”.

Откровенно? Но стоит ли обижаться на польскую газету. Были России пожелания и покруче. Одна из преемниц Черчилля госпожа Тэтчер как-то говаривала, что на территории СССР экономически оправдано проживание только 15 миллионов человек. Сказал бы кто-либо к востоку от Буга и Сана, что на Британских островах достаточно... Какая буря разразилась бы по поводу “восточного варварства”. А ведь “железная леди” формулировала свои “сообщения” совсем не во время войны.

В нынешнем году на исходе февраля информационные агентства сообщили, что в Таллине в здании эстонского правительства состоялся приём в честь ветеранов 20-й дивизии СС – “Эстонского легиона”. Перед ними выступил премьер-министр Андрус Ансип, который выразил “благодарность борцам за свободу”, за “деятельность, совершённую десятилетия назад”. День спустя те же агентства информировали, что правящая в нынешней Латвии коалиция намерена сделать 16 марта днём памяти легионеров-эсэсовцев, а 9 мая – объявить днём траура. Получается, что с падением рейхстага война не закончилась, по крайней мере, не все капитулировали? Выходит, что подкидной, о котором говорил Юлий Квицинский, продолжается? Или теперь это называется “великой шахматной доской”?

В фильме К. Шахназарова боец Найдёнов, охотившийся на белого “тигра” и подбивший его, но не добивший, уже после победы, когда все отмечали её, упиваясь в прямом и переносном смысле, счёл за лучшее проверить рулевые тяги своей “тридцатьчетвёрки”, пополнить боезапас и даже добавить к нему ещё четырнадцать снарядов. Слушающий его полковник твердил, что война кончилась, что подписана капитуляция, а Найдёнов отвечал, что тот “тигр” по-прежнему опасен, он обязательно появится вновь. И снова неожиданно. Через двадцать, пятьдесят, сто лет, но появится...

В последние годы из уст политиков и аналитиков всё чаще звучат слова о том, что на планете Земля дело движется к третьей мировой войне, что мир стоит накануне весьма важных событий. И в этих заявлениях полно тревоги. О каких возможных событиях идёт речь? О новом Мюнхене? А не “мюнхеном” ли пахнет упоминавшееся решение ПАСЕ? Так неужели прав был боец Найдёнов?..